

ВОСПРИЯТИЕ ШКОЛЬНИКОМ ИЗВЕСТИЙ ОБ АРЕСТОВАННОМ ДЯДЕ (ПО СОБСТВЕННЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ)

Н.А. Мининков
Южный федеральный университет

Аннотация: Современное гуманитарное исследование предполагает необходимость активной эвристической работы, направленной на поиск личных воспоминаний. В нём особое внимание уделяется субъективному восприятию исторических событий, явлений и процессов. В частности, это относится к воспоминаниям детей, сознание которых начинало формироваться, и которые по-своему воспринимали ход исторических событий. В статье приводится фрагмент авторских воспоминаний известий о дяде, известном советском и российском историке Н.Н. Покровском, отбывавшим 6 лет по делу группы Краснопевцева-Ренделя.

Ключевые слова: мемуаристика, детские воспоминания, группа Л.Н. Краснопевцева-Л.А. Ренделя, историк Н.Н. Покровский.

Воспоминания о детстве как источник знания о восприятии детьми исторических событий и явлений

Исследование в гуманитарных дисциплинах и в рамках проблематики по социологии, политологии, культурологии представляет собой не только анализ эмпирического материала, его генерализацию, построение концептуальных положений и выводов. Оно имеет исключительно значимую эвристическую часть, когда исследователь имеет дело с поиском материалов по архивам и по публикациям. Также к эвристике относится своего рода так называемая полевая работа, когда исследователь в поисках материала связывается с конкретным лицом – носителем интересной информации. Такое исследование представляет значительную ценность, поскольку такая информация, которая хранится в памяти определённого лица, дело временное. Носитель этой памяти может или не захотеть по каким-то причинам делиться с ней, или вообще не сможет быть достигаем для исследователя, или даже окончит свои дни. Поэтому, как показывает практика, со сбором такой информации следует торопиться. Она ценна, поскольку выражает субъективный взгляд на события в истории и культуре общества, то, как они воспринимались в сознании человека и в каком виде они сохранились в нём, ка-

ковы тенденции рассказа этого носителя информации, какие смыслы, прямые и скрытые, этот рассказ содержит.

Не менее значимой в этом отношении может быть информация из личных воспоминаний, из дневников и писем. Не случайно поэтому за последнее время такой интерес историков и других представителей социально-гуманитарного научного знания направлен на эти источники, называемые нередко эго-документами. Ещё не столь уж давно субъективность их рассматривалась как недостаток, поскольку стояла на пути объективной оценки описываемых в них событий. Однако теперь исследователи видят в ней существенное достоинство. Она позволяет понять место человека в событиях истории, отношение его к этим событиям и событие сквозь призму личности, её сознания и судьбы, как особую форму культуры человека и общества [Источниковедение... 2015: 352]. Но в связи с таким интересом не менее важной является работа исследователя с носителем информации. Она представляет собой его расспрос, причём в наши дни на основе опыта подобной работы для неё уже выработаны определённые правила.

Как особенность современной исторической науки выступают попытки осуществления в трудах исследователей идеала тотальной истории, с которым выступили основоположники школы «Анналов» ещё накануне второй мировой войны [Гуревич 2014: 82]. Однако эта задача настолько многосторонняя, что она может быть осуществлена в целом ряде направлений научного исследования. Одним из таких направлений являются гендерные исследования, в которых факты, события, явления и процессы определённого исторического времени и определённой социокультурной среды рассматриваются в свете восприятия их женщинами этого времени. В меньшей степени, чем истории гендерной, истории газам женщин, уделяется внимание истории детской. Это, конечно, не случайно. Детское отражение действительности в сознании кажется наивным, неполным, избирательным в большей степени, чем в сознании взрослого человека, да зачастую оно так и есть. Также детские впечатления хуже отражены в традиционных источниках, в первую очередь в источниках письменных. Тем не менее, подобное направление в историческом и вообще в социально-гуманитарном познании исключительно актуально. Оно позволяет более полно представить картину жизни общества изучаемого времени, понять его сквозь призму сознания человека, личность которого находится в стадии формирования, и сознание которого начинает проникаться ходом истории [Арьес 2011: 10–15].

При работе по сбору воспоминаний о детстве следует учитывать, что в сознании взрослого человека детство вспоминается сквозь призму его собственного социального опыта. И поэтому следует учитывать, что в данном случае исследователь сталкивается с субъективностью особого рода, когда факты детского времени, отложившиеся в сознании, с неизбежностью переплетаются со знанием, которого ещё не было у ребёнка, и с тем, что для ребёнка было туманным будущим, для взрослого было уже прошедшим временем. Тем не менее, как справедливо отмечала современная исследовательница М.В. Ромашова, «следы» детей можно обнаружить в любом «взрослом» документе, свидетельстве, так как детские практики неразрывно связаны со взрослыми» [Ромашова 2020: 172].

*Авторские воспоминания о дяде и об известиях о его пребывании
в советском лагере для политзаключённых*

Все это, кажется, следует учитывать каждому при репрезентации своих детских воспоминаний. Поэтому и в моем сознании воспоминание о моем дяде, Н.Н. Покровском, тесно переплетается с обстановкой, с частным домом на ростовской Богатыновке, на спуске по Крепостному переулку, куда дядюшка приезжал в отпускное время на родину, к своей маме, а моей бабушке, Т.А. Прасоловой. Был он, как я помню, шумный и весёлый, рассказывал много интересных историй...

Но как-то, когда я уже пошёл в школу, заметил, что дядя летом не приехал, а затем и следующим летом. По обрывкам разговоров взрослых, бабушки, мамы, отца, я стал подозревать, что с дядей что-то неладно. И что он даже в тюрьме. В нашем районе Ростова сделать такой вывод было нетрудно. Время было, в общем, послевоенное, сидели по соседству многие, и, конечно же, по уголовным статьям.

Помню, как сейчас, новогодний вечер, я, второклассник, у бабушки на Крепостном. Вышли мы на веранду, шел обычный в Ростове зимний дождь. И я прямо спросил бабашку: дядя Коля сидит? И бабушка столь же прямо ответила: да. А затем разъяснила, что взяли его не за уголовку, как наших здешних, богатыньских. Но за политическое выступление со своими товарищами. Как я узнал, дядя был арестован вместе с группой своих товарищей и получил шесть лет лагерей.

На тему политики, репрессий при Сталине, я уже к тому времени наслышался дома. Меня эти разговоры уже в то время интересовали, кое-какие рассказы я слышал от бабушки. Например, она рассказывала, как через некоторое время после окончания Великой Отечественной войны её вызвали в местное отделение госбезопасности, поскольку знали, что в период гражданской войны она была связана с эсерами. Какой-то, говорила она, офицерик-эмгешник предложил ей написать список ростовских эсеров, кого она знает. Она написала, и её отпустили. Через несколько дней её опять вызывают и спрашивают: что вы написали? Она сказала, что написала тех, кого знала. Да они же все уже умерли, сказал этот офицерик. А я больше никого не знаю, сказала бабушка. Они от неё добивались ещё сведений, но ничего не добились, и её отпустили. А время же было послевоенное и очень мрачное. Эта история произвела на меня впечатление. Она ещё более усилила недоверие и нелюбовь к компетентным органам, которая на Богатыньке как бы даже висела в воздухе, а выражение «протокольная рожа», которое я неоднократно слышал с детства от местных людей, очень хорошо отложилось в памяти.

Конкретных подробностей дела я тогда не знал, узнал о них позже. Но заметил, что бабушка каждый год покупала справочник движения поездов, поскольку летом ездила к дяде. Некоторые подробности поездок она рассказывала. В Рязани II с ростовского поезда, шедшего до Москвы, она делала пересадку и переходила на Рязань I, где поезда шли в сторону Волги и Урала, мимо Мордовской АССР, где находились известные ещё со сталинского времени лагеря. На одной из станций она пересаживалась на рабочий поезд и ехала в сторону лагерей, где находился дядя, и где разрешались свидания. Там они и виделись. Помню, одно лето она особенно была тревожна после приезда. Это было тогда, когда все проходившие по этому делу, в том числе дядя, держали голодовку [Матханова 2020: 75–76], что в дальнейшем отрицательно сказалось на его здоровье. Позже я узнал, что голодовка им ничего не дала, и высшее руководство Советского государства отказывалось обратить внимание на эту группу заключённых. Но после последующих поездок я уже её больше такой тревожной не видел. В одну из поездок она повезла дяде офицерский китель моего отца, который сохранился ещё с Великой Отечественной войны, как сравнительно тёплую одежду. Отец, конечно же, дяде глубоко сочувствовал. Дядя в нем, как рассказывала бабушка, некоторое время ходил, но затем у него эту одежду отобрали, поскольку заключённому в таком ходить не положено. После одной из поездок она рассказала, как в вагоне рабочего поезда перед выходом проходила колонна заключённых. Один из пассажиров, местный, при виде её сказал: «Вот она, хрущевская гвардия», конечно же, с сочувствием не к тюремщикам, но к заключённым. Такие рассказы глубоко западали в память школьника, в том числе и противоречием между жизнью и школьной программой.

Время шло. Ближе к 1963 г., когда дядя, отбыв шестилетний срок, вышел на свободу, я уже узнал о группе Краснопевцева-Ренделя, к которой принадлежали молодые преподаватели МГУ и других московских научных центров. Дядя к тому времени был уже кандидатом исторических наук, поскольку защитил под руководством академика М.Н. Тихомирова кан-

дидатскую диссертацию о черносошных крестьянских общинах севера Московского государства в XV–XVI вв. Я также узнал, что группа резко выступала против советского руководства и Н.С. Хрущева. Но не за критику сталинских преступлений, а за то, что этой критики было явно недостаточно, что все прикрывалось формулировкой с каким-то «культом» какой-то «личности», который, как говорилось в Постановлении 1956 г., не мог изменить природы советского социалистического строя. Говорили они и о том, что по своим интеллектуальным и моральным качествам Н.С. Хрущев не был готов к руководству партией и правительством, и что он не в меньшей степени, чем другие, виноват в преступлениях сталинского режима, когда занимал высший партийный пост в Украине. Я также узнал, что группой делались попытки вести работу с теми, кто прибыл на фестиваль молодёжи и студентов 1957 г. в Москву.

Несомненно, что известия о дяде, которые привозила бабушка из ежегодных поездок на свидания с ним в Мордовию, сказывались на формировании уже в более старших классах моего мировоззрения. Во всяком случае, мои антисталинские настроения определились к тому времени вполне. Но я также не помню, чтобы на уроках истории наши учителя (Мария Павловна, Таисия Ивановна) допускали какие-то высказывания в защиту Сталина, его словесия, спасибо им за это.

Но это определило и мои расхождения с оценкой Н.С. Хрущева, которые давала группа Краснопевцева-Ренделя. Так, мне казалось, что было бы справедливо дать положительную оценку даже ограниченной критике Сталина, которая содержалась в материалах XXII съезда КПСС. При историческом же XX съезде КПСС, которое было лучшим событием всей послевоенной советской истории, я ещё был маленьким. И поэтому не мог быть в курсе того, о чем на этом съезде шла речь. Впрочем, и дядя в дальнейшем понял, что при Н.С. Хрущеве, на XX съезде КПСС, было принято исключительно важное решение, после которого массовые репрессии стали в стране невозможны.

Помню приезд дяди после освобождения в 1963 г. Конечно же, за это время он изменился внешне весьма сильно, выглядел постаревшим, даже значительно. Советский лагерь здоровья не прибавлял. Как рассказывала бабушка, их кормили хорошо, когда они были на тяжёлых работах. А обычно так себе, например, суп с селёдочными головами. Во всяком случае, заработал он в этом лагере в Мордовской АССР язву желудка. Но по-прежнему он был живым и общительным. Поскольку жить в столицах ему не было разрешено, то его учитель, М.Н. Тихомиров, помог ему устроиться в Суздальский музей. А через некоторое время в формировавшийся академический центр в Новосибирске. Он передал центру свою богатую библиотеку с условием принятия в штат сотрудников к.и.н. Н.Н. Покровского. Интерес свой к политике он при этом не утратил. И, как я помню, когда приезжал на родину, в Ростов, привозил с собой небольшой приёмник и слушал радиоголоса, кое-что рассказывал из того, что услышал. Это, конечно, не Youtube, который мы слушаем ныне, но кое-что могло доходить до советских людей сквозь глушилки.

В дальнейшем, в ходе своей работы, Н.Н. Покровский возглавил сектор археографии и нашёл в ходе своих экспедиций к сибирским старообрядцам в Горный Алтай, в Тувинскую АССР, немало ценных рукописей. Среди них, в частности, судный список Максима Грека и Исаака Собаки, этот сибирский список дополнял сведения об этом деле, известные по списку, относящемуся в XVIII в. Но в этом известном ранее списке было начало рассказа о суде над Максимом Греком, включая обвинительную речь. Алтайский список был по объёму больше известного ранее. Он содержал сведения о не только об обвинении, но и о защитной речи самого Максима Грека, и некоторые подробности о его жизни в Московской Руси [Покровский 2013: 303]. История находки и изучения этого сборника конца XVI в. и начальной стадии её изучения рассматривается в статье Л.И. Журовой [Журова 2020: 88–98]. Подробно же самой экспедиции, история приобретения рукописи у алтайских старообрядцев, хода работы по её реставрации, а также общий анализ содержания излагались Н.Н. Покровским

[Покровский 1984: 84–109]. Принято считать, что в результате экспедиций во главе с Н.Н. Покровским произошло «археографическое открытие Сибири». Было найдено ещё немало рукописей, организованный им сектор археографии продолжает свою работу после его кончины в 2013 г., выпускает сборники, в том числе с публикацией найденного материала.

Детские воспоминания переходили в воспоминания старшего школьника, студента, а затем взрослого. Характерно, что противоречий между ними с возрастом не возникло. Появлялись только дополнительные сведения о группе, о судьбах идей, которые она вынашивала, и о судьбах некоторых людей, проходивших по делу. Казалось бы, идеи, с которой выступала группа, потерпели поражение. Н.С. Хрущев был отправлен в отставку. Развернулась хозяйственная реформа, проводившаяся предсовмином А.Н. Косыгиным. В 1968 г. советскими танками была раздавлена Пражская весна. Помню, как резко он отзывался об этой интервенции, говоря, что всякое вооружённое вторжение в чужое государство незаконно и преступно. Поэтому крушение режима в 1991 г. он встретил положительно, с большой надеждой. Которая постепенно, после 2000–2003–2007 гг. стала улечиваться. В дальнейшем иллюзий он уже не строил. И едва ли удивился бы чему-то, если бы вдруг оказался сейчас среди нас.

А детские воспоминания глубоки и прочны. И они помогают дополнить облик историка и археографа, вносившего свой вклад в науку и в борьбу за свободу, пока что безуспешную.

Арьес Ф. 2011. *Время истории* / пер. с фр. и примеч. М. Неклюдовой. – М.: ОГИ. – 304 с.

Гуревич А.Я. 2014. *Исторический синтез и Школа «Анналов»*. – М.; СПб.: Университетская книга. – 432 с.

Журова Л.И. 2020. «Судные списки Максима Грека» в творческом наследии Н.Н. Покровского. – *Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39)*. – Новосибирск, 2020. – С. 88–98.

Источниковедение... 2015. *Источниковедение: учеб. пособие* / И.Н. Данилевский, А.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. – М.: Изд-во ВШЭ. – 685, [3] с.

Матханова Н.П. 2020. Письма Н.Н. Покровского к матери (1950-е – 1965 гг.): Информационный потенциал и проблема достоверности. – *Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39)*. – Новосибирск. – С. 66–87.

Покровский Н.Н. 1984. *Путешествие за редкими книгами*. – М.: Книга, 1984. – 191 с.

Покровский Н.Н. 2013. *Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках*. – Новосибирск: Православная гимназия имени Преподобного Сергия Радонежского. – 444 с.: цв. ил.

Ромашова М.В. 2020. Занимательное источниковедение: история детства. – *Вестник Пермского университета. История*. – Вып. 3 (20). – С. 172–178.